

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗАПРЕТА В РУССКОМ И ИНГУШСКОМ ЯЗЫКАХ

Хашиева Ириза Юсуповна

студент, Ингушский государственный университет, РФ, г. Магас

Тариева Лилия Увайсовна

научный руководитель, д-р. филол. наук, доцент кафедры русского языка, Ингушский государственный университет, РФ, г. Магас

STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECT OF PROHIBITION IN RUSSIAN AND INGUSH LANGUAGES

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды семантического запрета, свойственные эргативному ингушскому и номинативному русскому языкам. Запрет в каждом из исследуемых языков имеет свою структурную представленность.

Abstract. The article considers various types of semantic prohibition inherent in ergative Ingush and nominative Russian. The prohibition in each of the studied languages has its own structural representation.

Ключевые слова: запрет, запрет-регулятив, запрет-превентив, запрет-констатив и запрет-корректив.

Keywords: ban, ban-regulatory, ban-preventive, ban-constative and ban-corrective.

Категория запрета свойственна языкам различных стратегий. Структура и семантика запрета в двух неродственных языках неоднозначно выражена, представлена на различных уровнях структуры языка.

Объектом исследования в данной статье является структура и семантика запрета в русском и ингушском языках.

Цель данной статьи заключается в структурно-семантическом выражении категории запрета в разноструктурных языках. В связи с данной целью предполагается решение следующих **задач:**

1. рассмотреть структуру представления запрета в двух неродственных языках;
2. исследовать семантику запрета русского и ингушского языков;

Основным **методом** исследования в данной статье является сравнительно-сопоставительный метод. Кроме того, использованы элементы описательного метода и приемы компонентного анализа.

Категории запрета посвящены работы отечественных лингвистов: Е. И. Беляевой (1992), В. И. Карасик (2002), И. Б. Шатуновского (2000), Е. А. Шмелевой (1990).

Категория запрета в разноструктурных языках функциональна в коммуникативной ситуации диалогического режима прежде всего. Диалогический режим предполагает участие в коммуникативном акте адресанта и адресата, по отношению к которым функционирует сам запрет как языковая категория [1, с. 168].

Выделяются следующие типы запрета: запрет-регулятив, запрет-превентив, запрет-констатив и запрет-корректив.

Запрет-регулятив в русском и ингушском языках выполняет регулятивную функцию. Данная функция языка позволяет говорящему непосредственно воздействовать на адресата: «Воздействие на человека прямо и косвенно связано с контролем поведения человека. Контроль – центральное понятие социологии в интерпретации Дж. Гиббса – определяется как поведение человека, влияющее на желательные изменения в объекте, одушевленном и неодушевленном, наблюдаемом и ненаблюдаемом» [2, 127]. Например:

1. *Руками не трогать!* 'Кулгаш ма детта!'
2. *Не входить!* 'Чувала йиш яц! '
3. *Не шуметь!* 'Г1ар ма е! '

В приведенных примерах в русском варианте использована отрицательная частица *не*. В ингушских иллюстрация в первом примере запрет выражен посредством запретной частица *ма*. Во втором – запрет представлен лексемой с семантикой запрета.

Превентив, являясь семантическим типом побуждения, становится объектом особого внимания. Запрет-превентив в разнотипных языках принципиально отличается от «чистого» превентива (предупреждения) [3, с. 320].

Главным грамматическим показателем глагольного превентива является его совершенный вид. Глагольный запрет-превентив может быть выражен формами как совершенного, так и несовершенного вида. Воздействуя на эмоционально-волевую сферу адресата, адресант, прежде всего, осуществляет запрет, направленный на предупреждение нежелательных / негативных последствий.

Таким образом, функция запрещения предшествует функции предупреждения. Например:

4. *Не шумите!* 'Г1ар ма е!'
5. *Не иди туда* 'Ма г1олахь цига'.
6. *Не говори так* 'Ма ала иштта'.
7. *Не ругай его* 'Дов ма де цунна'.

В обоих примерах превентивного запрета употреблена частица *не* в русском и частица *ма* – в ингушском. Однако, категория запрета в обоих исследуемых языках может быть представлена лексемой, запрещающей то или иное действие.

Запрет-констатив соответствует общеустановленной или этической норме, указывает на общеизвестный факт или знание определенного круга лиц и реализуется адресантом в интересах адресата с целью предотвращения нежелательного для адресата результата действия.

С одной стороны, выражение нормы, правила, общеизвестного запрещаемого факта сводит запрет-констатив к запрету-регулятиву. Однако разница между ними заключается в том, что при запрете-констативе говорящий, являясь конкретным лицом, регулирует не общественные отношения, а соразмеряет свою позицию с позицией конкретного адресата и оценивает эту позицию [4, с. 67]. Например:

8. *Нельзя входить!* 'Чувала йишяц!'
9. *Не положено так ходить* 'Иштталелайишяц'.

Запрет-корректив – это такой тип языкового запрета, назначение которого состоит в побуждении адресата к прекращению или видоизменению совершающегося или уже совершившегося речевого / неречевого действия. Запрет-корректив выражается в межличностном или групповом устно-речевом общении при контактном способе взаимодействия коммуникантов, он зависит от ситуации, как правило, эксплицитен либо имплицитен, но оба вида экспрессивны:

10. *Не..., не....нееет!* ‘Ма..., ма.... Ааааа!’

Данный вид запрета уместен в ситуации, где взрослый запрещает ребенку то или иное действие, которое тот намерен выполнить.

Корректировка действия адресантом является реакцией на те или иные действия адресата, следовательно, участники речевого акта максимально приближены друг к другу. Адресант запрета-корректива занимает сильную коммуникативную позицию, он берет на себя право запрещать в том случае, если действия адресата не отвечают интересам одной из сторон или не соответствуют коммуникативной ситуации. Например:

11. *Ты не пойдешь туда!* ‘Г1ургвац (яц) хьо цига!’

Таким образом, можно сделать вывод, что запрет в русском языке может быть выражен, прежде всего, с помощью частицы *не*, либо предикативов «нельзя» и «не положено». В ингушском языке запрет выражается посредством частицы *ма*, либо аффикса *-ац*.

Список литературы:

1. Беляева, Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е.И. Беляева. - Воронеж, 1992. – 168 с.
2. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. - М., 2002. – 333 с.
3. Шатуновский, И.Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И.Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики. - М., 2000. – с. 319 - 325.
4. Шмелева, Е.А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты / Е.А. Шмелева // Функционально-типологические аспекты анализа императива. В 2 ч. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. - М., 1990. – с. 66 - 71.